УДК 94(470)

**М. Н. Толстой**

# Первый Конгресс соотечественников

19 августа 1991 г. в Москве открылся Первый Конгресс соотечественников, впервые в новейшей истории собравший сотни русских эмигрантов из десятков стран на общий съезд. Для одних — это приезд на свою родину, для других — на родину предков, но для всех впервые — по приглашению нового руководства России. Многое должно было перед этим произойти и измениться в нашей стране, чтобы такой съезд состоялся. Правительство и политики уделяли много внимания подготовке к Конгрессу, но с самого начала значение этого большого события оказалось заслонено знаменитой попыткой государственного переворота, начатой в тот же день, 19 августа.

О путче 1991 г. написано много и многими, оценка причин и последствий переворота неоднократно видоизменялась, поэтому мне трудно внести оригинальный вклад в его описание. Проходивший параллельно Конгресс соотечественников шел своим чередом, политические новости подхлестывали его ход, меняли повестку дня и уже 28 августа участники Конгресса на заключительном заседании приветствовали победу над путчистами.

Однако наслоение двух событий привело к тому, что о самом Конгрессе как о самостоятельном явлении написано незаслуженно мало. Данная статья служит попыткой восполнить этот пробел в исторической хронике.

События в СССР 1990 г. показывали, что народные депутаты РСФСР во главе с Б. Ельциным, избранные по значительно более свободной процедуре, чем депутаты Съезда народных депутатов СССР, представляют собой быстро растущий новый центр политической силы с привлекательными лозунгами создания новой демократической России. Почти единогласное принятие

Декларации независимости России 12 июня 1990 г. подтвердило намерение Ельцина и Съезда избавиться от командной роли ЦК КПСС и общесоюзных органов управления. Россия и россияне стали центральными в политической лексике Председателя Верховного Совета РФ Б. Ельцина.

В Комитете по международным делам Верховного Совета РФ, где мне поручили возглавлять Подкомитет по культурным и научным связям, председатель Комитета Владимир Петрович Лукин предоставил широкие возможности каждому подразделению определять круг своих задач и целей. Такой задачей я выбрал разработку новых принципов взаимоотношений с эмиграцией, а целью — созыв съезда эмигрантов разных поколений для демонстрации новых возможностей новой России. В. Лукин согласился с такой постановкой дела с присущим ему остроумием и скептицизмом: «Ясно, что ничего у вас не получится, а если получится, то нужно всех наградить орденами» — и выделил нашему подкомитету двух постоянных сотрудников: Наталью Мирзу и Ирину Якир. Секретарь В. Лукина — Наталья Киселева была координатором связей с государственными структурами. Они стали ценнейшими помощниками и организаторами Первого и последующих двух Конгрессов. Всё получилось, но никого, разумеется, не наградили, не до того было.

Сейчас трудно себе вообразить, насколько дилетантскими были наши представления о возможности созвать съезд. Ни у кого не было практически никаких прямых связей с эмигрантами даже в Европе, а у меня, проработавшего к тому времени почти 30 лет в закрытом институте, с запретом общения с иностранцами, и подавно. Но надо было работать и на первых порах создавать начальную базу данных.

Одновременно с техническими проблемами встала проблема теоретическая. В 1990 г. почти все жившие за границей бывшие граждане России или СССР официально именовались эмигрантами. Этот термин применялся универсально к тем, кто не хотел возвращаться, синонимы эмигранта: недобиток, враг, перебежчик, антисоветчик, предатель, отщепенец, контра, лишенец прав гражданства и пр. Тех, кто были лояльны к советской власти, которых хотели уговорить стать лояльными или вернуться, называли иногда зарубежными соотечественниками. Разделение терминов шло по политической линии.

Времена менялись, и Академия наук СССР, разрабатывая программы исследований в гуманитарных дисциплинах, с 1987 г. уже иногда использовала термин «соотечественники» применительно к эмиграции.

Нам нужно было выбрать свое, единое обращение, без политической окраски. Так мы остановились на слове «соотечественник» и начали использовать его в официальной и неофициальной лексике.

Вопрос, кого приглашать и согласятся ли они приехать, был на тот момент главным. Сразу возникла проблема, не решенная законодательно до сих пор — кого считать соотечественником. Если у эмигранта есть иностранный паспорт, то мы вмешиваемся во внутренние дела другого государства. Если есть советский

паспорт, то к чему дополнительное наименование? Если он лишен гражданства в наказание за нелояльность, то мы выступаем против решения нашего правительства. А если сам себя соотечественником не считает, то зачем мы к нему пристаем?

Единственным выходом было предоставить эмигранту самому право решать — считает ли он себя соотечественником, считает ли Россию своей исторической родиной, считает ли себя связанным с ней языком и культурными традициями. Оргкомитет не вправе это за него решать. Пригласить можно в принципе любого, но не обижаться и не уговаривать, если откажется приезжать — так в начале 1991 г. мы приняли принцип самоидентификации в этом вопросе. К тому же выводу после многих проб пришло российское законодательство через 20 с лишним лет.

Депутат согласно статусу имел право на дипломатический паспорт. Мне дали его, несмотря на имевшуюся у меня «форму секретности». Чудеса, да и только: командировки в любую страну, без экзаменов в райкомах и обкомах, без инструктажей в обшарпанных кабинетиках, без Иностранного отдела ЦК КПСС и без таможенных досмотров. Надо было ездить в разные страны, как коммивояжеру, встречаться с различными представителями эмиграции, убеждать в реальности съезда и перемен в России, новых свободах и отсутствии угрозы ареста для «невозвращенцев», ставших эмигрантами. Собеседники удивлялись, делали вид, что верят, но ясно чувствовалось, что смотрят как на казачка засланного. Опыт у них был, уже многих не раз заманивали вернуться, и слишком часто добром это не кончалось.

Такие поездки начались в 1991 г., а в 1990 шли организационные приготовления. Чтобы нас восприняли всерьез, нужно было создать юридическое лицо — общественную организацию с уставом и символикой. Из разных вариантов, предложенных художниками и просто энтузиастами, остановились на таком символе: длинная трехцветная полоска, соответствующая традиционному российскому бело-сине-красному флагу, затем — волнообразный изгиб вверх и вниз, после которого снова шла длинная ровная полоска. Нарушение ровной трехцветной полосы было намеком на искажение ровного хода истории, а продолжение трехцветной линии сулило историческое восстановление России под трехцветным флагом (рис. 1).

*Рис. 1. Эмблема Первого Конгресса соотечественников. Фото участника Конгресса Б. Н. Дедовича (США). Публикуется впервые*

Следует заметить, что в то время еще не было признаков, что вместо красного знамени символом России станет такой флаг. Попытки некоторых депутатов поставить на заседании рядом с собой маленький трехцветный флажок как символ принадлежности к фракции, стремящейся к восстановлению дореволюционной традиции, пресекались возмущенными криками депутатов-коммунистов.

Общественная организация «Всемирный конгресс соотечественников» стала одной из первых, зарегистрированных новым министерством юстиции, и получила № 13, который в какой-то мере определил ее судьбу. Его руководящий орган — Исполком был сформирован в основном из депутатов Верховного Совета РФ и Московского городского совета, председателем был избран М. Н. Толстой.

В дальнейшем совпадение названия организации и съезда соотечественников создавало, конечно, некоторую бумажную путаницу, но влияло на ход дела несущественно.

Очевидно, что такая масштабная затея не могла быть реализована без поддержки сверху, и я доложил о планах организации Председателю ВС. В 1990 г. открытость Б. Ельцина и доступ в его кабинет, в особенности для депутатов блока «Демократическая Россия», были беспрецедентными для прежних властей, как, впрочем, и нынешних. Например, в перерывах заседаний Съезда народных депутатов регулярно можно было видеть Ельцина, обедавшего за столом с теми или иными делегатами и обсуждавшего политические коллизии, которых хватало в первый год его избрания. Зайти к секретарю и сказать, что к Ельцину есть дело, которое надо обсудить, было нормально, и время встречи назначалось сразу.

Предложение созвать съезд эмигрантов заинтересовало Б. Ельцина. Его взгляд на новую Россию с неизбежностью исключал столь тщательно оберегавшуюся изоляцию, в которой СССР существовал 70 лет. Независимость России, которую он пропагандировал, в те времена означала, в первую очередь, независимость от традиций, стиля и практики управления, существовавших в СССР и воплощавшихся в командирской функции ЦК КПСС. Ельцин открыто порвал с членством в компартии и стремился каждым шагом показать, что действует иначе. Другое дело, что отнюдь не всегда у него это получалось или он действительно этого хотел.

Ему понравилась идея решительного поворота в политике по отношению к эмиграции. Было логично, что эмигранты приглашаются со всего мира, но от имени независимой демократической России, а не от имени СССР. Он благословил Комитет В. Лукина и Всемирный конгресс соотечественников на начало практической работы. Это было осенью 1990 г.

Всем было понятно, что новая политика не может быть озвучена на таком низком властном уровне, как свежеиспеченные народные депутаты. Требовалось выступление лидера с изложением новой концепции, нового взгляда на эмиграцию. Нужно было готовить речь Ельцина, но было неясно, к како-

му событию внутри страны ее приурочить, а в России что ни неделя, то новые политические и экономические потрясения, конфликты между руководством СССР и РФ. В результате остановились на нейтральном и общепризнанном празднике — на Новом 1991 годе. Появилось сенсационное в тот момент «Новогоднее обращение Председателя Верховного Совета России к соотечественникам за рубежом»[1].

Подготовительная законодательная работа велась уже в 1990 г. Был разработан новый Закон о гражданстве. Меня ввели в комиссию по разработке этого закона. С подачи нашего подкомитета, чтобы учесть будущие отношения с соотечественниками, в закон вошли две новации. Они должны были нейтрализовать предыдущую практику выдворения неугодных из страны без права возвращения и лишения их гражданства. В новой редакции устанавливалось, что потомки по прямой линии граждан России или СССР могут получать российское гражданство, и что никого нельзя лишать российского гражданства без его собственного согласия. Ясно, что в первую очередь это было ответом на принудительную высылку А. Солженицына из страны и на лишение гражданства М. Ростроповича, Г. Вишневской и многих диссидентов.

Ельцин начал приглашать к себе видных эмигрантов нового поколения. Я был на такой встрече с одним из них, его земляком, Эрнстом Неизвестным. Никаких посторонних, протокольных лиц, чай втроем в кабинете Председателя Верховного Совета в Белом доме, белый сервиз с красным узором специального парламентского заказа, неторопливый разговор на общие темы. Эрнст Неизвестный планировал поставить в Свердловске памятник жертвам Гражданской войны и репрессий. Ельцин соглашался, Неизвестный стал председателем жюри конкурса на создание памятника.

Из этой беседы мне запомнился ответ Ельцина на вопрос Неизвестного: как скоро Россия станет такой, какой мы хотим ее видеть. Ельцин помолчал, взял лист бумаги, начертил большой круг: «Это болото, вглубь которого мы шли 70 лет и увязли». Провел линию до центра: «Теперь в какую сторону идти? Мы глубоко в болоте, куда ни посмотри. Нам предстоит выбираться не посуху, не по воздуху, надо пройти это болото обратно, не увязнуть и выйти на твердую землю». Провел линию на край круга: «Легко никому не будет».

Действительно, никто не мог предположить, что через год СССР распадется, и Россия в одиночку понесет на себе все грехи нашего славного прошлого.

«Новогоднее обращение» было действительно непривычным для слуха. В нем сочеталась несомненная политическая основательность с той наивностью, которая всегда присутствует в обращении с недостаточно знакомым предметом.

«Мы хотим, чтобы человеческое достоинство, права и свободы личности стали, наконец, первоосновой нашей жизни <...> Всё то, что составляет основу прогресса современных развитых стран, достойно применения в России <...>

[1] Первый Конгресс соотечественников. 19–31 августа 1991 г. Научно-информационные материалы / Под ред. М. Н. Толстого, Е. П. Челышева. М., 1992.

До сих пор в душах многих уехавших за рубеж моих сограждан живет горечь совершенной по отношению к ним несправедливости, а народу предписывалось считать их своими злейшими врагами <...> Сегодня войне государства против своих граждан, которая десятилетиями шла в России, положен конец <...> Начала разрушаться глухая стена, которая долгое время отделяла российское зарубежье от родной земли. И она будет разрушена навсегда!»

Перечисленные проблемы Россия могла бы решить сама, в одностороннем порядке, — оставалось только верить этим декларациям.

Что касается призывов к зарубежным соотечественникам, то предложения в конечном счете сводились к экономическому соучастию в российских проектах, отражая призрачные надежды, что эмигранты богаче и щедрее граждан России. И финальный призыв: «Только совместными усилиями мы возродим наше Отечество!», вообще говоря, снижал впечатление эмигрантов от «Обращения» в целом. В наших беседах с ними иногда проскальзывал намек: «Как прищемило, так вы к нам за деньгами, поздновато спохватились, а где вы раньше были?» Супруга Андрея Синявского, Мария Васильевна Розанова, известная решительностью своих высказываний, при первой же нашей встрече в Париже сказала: «Эмиграция — это кладбище, а новоприезжих калачом не заманишь. Все ваши депутаты с Ельциным во главе — партийно-комсомольское наследие». Ну и что, готовить Конгресс всё равно было надо.

Чтобы продемонстрировать открытость новой России, было решено внести в программу Конгресса не только посещение Москвы, где планировалась основная культурная и научная программа, но и нескольких городов, в первую очередь Ленинграда. Согласие принять будущих делегатов выразили Пермь, Новосибирск. Свердловск и Тверская область. Что касается Ленинграда, то там было организовано региональное отделение Конгресса соотечественников во главе с Иваном Арцишевским (он родился в Бразилии, откуда его родители, русские харбинцы, в 1960-х гг. реэмигрировали в СССР).

Уже через месяц после «Обращения», 25 января 1991 г. за подписью Б. Ельцина вышло Постановление Президиума Верховного Совета РФ «О проведении Конгресса соотечественников». Комитету по международным делам поручалось разработать концепцию и план осуществления новой политики в отношении зарубежных соотечественников, Конгресс провести в августе 1991 г., всем остальным оказывать содействие, а Совету Министров РФ — обеспечить условия для проведения Конгресса и работы оргкомитета. Сопредседателями оргкомитета были назначены Ю. Афанасьев, В. Лукин, Г. Попов, А. Собчак и М. Толстой. Такой расклад означал, что организовывать Конгресс должен М. Толстой, а остальные сопредседатели — время от времени оказывать ему поддержку в вопросах их должностной компетенции. Так и было — мы, члены Исполкома, получили свободу принятия организационных решений.

За давностью лет уже неинтересно описывать непрерывные осложнения, возникавшие с финансированием Конгресса в условиях нараставшей инфля-

ции и разваливающейся финансовой системы. Характерным примером этого стал знаменитый «Обмен» крупных купюр зимой 1991 г., который надо было успеть сделать за три дня, и запрет на снятие своих собственных денег со сберегательной книжки (в паспорте делалась отметка о количестве денег, которое человек снял со своего счета). Признаться, что на сберегательных счетах граждан их денег больше нет, что государство все эти деньги уже потратило, было стыдно, поэтому объявили, что идет борьба с загадочными злодеями, которые то ли напечатали миллиарды фальшивых купюр, то ли украли настоящие и спрятали, но из-за этого простым людям их не хватает.

В буфете Белого дома для депутатов были созданы особые условия по сравнению с обычными гражданами — каждое утро можно было позавтракать двумя сосисками и омлетом. Омлетом и сосисками, каждый день. Ничего другого не было, но за стенами Белого дома не было и этого, не было и зарплат — их задерживали месяцами. Считалось, что депутаты зажрались и не думают о народе. Как и сейчас.

Расходы на Конгресс требовались большие, а дадут ли деньги из бюджета, мы сомневались, — финансовая дисциплина в 1991 г. отсутствовала начисто. В связи с этим мы решили установить организационный взнос для зарубежных участников: делегат — 300 долларов, сопровождающие лица — 150. Деньги для внутреннего российского употребления по тем временам были немалые.

До весны 1991 г. оставалась неопределенность в правилах использования валюты в России. Поэтому первые взносы участников поступали на счет, открытый нами в Англии, но после появления в мае 1991 г. нового закона и внятных правил валютного регулирования в СССР взносы решено было принимать в Москве. В конечном счете, когда образовался неразрешимый бюрократический узел в межвалютных отношениях, и чиновники не смогли установить порядок в перечислении денег на счет Оргкомитета, положение спасло вмешательство нашего партнера, Союза предпринимателей и арендаторов, в лице одного из его руководителей — И. М. Баскина. Смелый и опытный бизнесмен, он взял на себя ответственность за финансовое руководство Конгрессом, и все вопросы стали решаться оперативно и эффектно. Претензий к нашей материально-финансовой отчетности впоследствии не возникало.

Правда, с 1992 г. началась новая эра в российских финансах — получить оставшиеся деньги со своего валютного счета Конгресс не смог. На требование вернуть наши деньги из глубины министерства финансов пришел такой ныне до боли знакомый ответ: «30 процентов нам, и вы получите свои деньги». Я плюнул и забыл о валютном счете Конгресса.

Весной 1991 г. появились публикации в прессе, началась рассылка извещений о Конгрессе и персональных приглашений. Это привлекло разностороннее внимание. Фонд «Культурная инициатива» (отделение Фонда Сороса) выделил грант и снабдил Оргкомитет видеокамерой, видеомагнитофоном и компьютером; стали поступать звонки эмигрантов из заграницы, возмущенных тем, что

среди приглашенных есть евреи, что нарушало, с точки зрения звонивших, чистоту мероприятия, так как евреи — не настоящие эмигранты, а так, примазавшиеся. Писатель В. Войнович, получив приглашение, напечатал в парижской «Русской мысли» язвительную статью, где объяснял, что будущий съезд — это опять советский бюрократический обман и неуважение к нему лично. Приходили журналисты и просили дать им список аристократов, приглашенных в Москву, для интервью, потому что слово «эмиграция» ассоциировалось у них только с представлением о графах и князьях, остальным как-то незачем было эмигрировать. Писали и приходили «ходоки», просили дать им имя какого-нибудь богатого эмигранта родом из их города, у которого надеялись получить деньги на восстановление местной церквушки, гимназии или исторической достопримечательности: «Уж он не откажет, скучает, земляк, небось, о родине». Президент Конгресса русских американцев Петр Будзилович в письме на официальном бланке своей организации потребовал отмены празднования 7 ноября в СССР, иначе ни за что не приедет, и т.д. В общем, единство мысли и духа русского зарубежья открывалось во всей полноте.

Конгресс тем временем планировался как разностороннее действие, рассчитанное на 12 дней с поездками по стране. Центральными событиями должны были стать открытие Конгресса в Концертном зале им. Чайковского 19 августа и Патриаршее богослужение и молебен на Соборной площади Кремля 28 августа, в праздник Успения Божией Матери. Самое удивительное, что несмотря на путч именно это удалось осуществить в соответствии с расписанием, остальное подверглось некоторым изменениям.

Наиболее подробно в программе Конгресса были разработаны церковная, культурная и научная части. Поскольку 19 августа православные отмечают праздник Преображения Господня (Яблочный Спас), в этот день предусматривалось Патриаршее богослужение в Успенском соборе Московского Кремля. В остальные дни — посещения храмов, паломничество в монастыри, встречи с деятелями Церкви.

Культурная программа включала в себя посещение всевозможных театров, музеев, выставок и концертов, специально подготовленных к Конгрессу.

Наиболее сложной была научная программа, реализованная в форме «круглых столов». Целью Оргкомитета было вовлечь делегатов, приехавших на Конгресс, в обсуждение поставленных проблем, а не предложить им стать наблюдателями дискуссий, которые ведут между собой организаторы Конгресса.

Для ее разработки Оргкомитет привлек Академию наук СССР. Руководителем научной программы стал академик-секретарь отделения литературы и языка Евгений Петрович Челышев, руководителем группы по организации «круглых столов» — ведущий эксперт отделения литературы и языка Андрей Викторович Лупырёв. В подготовке «круглых столов» участвовали более 15 академических институтов, библиотек и учреждений всесоюзного уровня.

Основой научной программы Конгресса стала «Комплексная программа фундаментальных исследований “Русское зарубежье в контексте мировой культуры”», разработанная Академией наук совместно с Оргкомитетом. Отметим, что в дальнейшем она же послужила идейной основой для организации Первой международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции»[2] на Третьем Конгрессе соотечественников в Москве в 1993 г.

Научная программа длилась 8 дней и проходила на различных площадках. Темы заседаний и сейчас удивляют разнообразием и масштабом:

Русское наследие: разделенные архивы.

Российская культура: истоки и перспективы.

Перспективы российской науки, техники и медицины.

Экологические проблемы России.

Художественный менталитет русской литературы.

Права человека и российское законодательство.

Творческое наследие соотечественников — ученых и инженеров за рубежом — достояние мировой культуры.

Историческое развитие России.

Русский язык в современном мире: проблемы и перспективы.

Проблемы экономического развития России.

Новые политические партии в России.

Русская идея и возрождение России.

Россия и славянский мир.

Православие — культура — экология.

Судьба имперской идеи.

Российская армия и отечество.

Политологи и политики о России в современном мире.

Россия XX в.: кризис духовности.

Русская философская традиция и судьба России

Русская культура в инонациональном окружении: межличностные и межобщинные взаимодействия.

Российская диаспора: психологические и социологические проблемы.

Возрождение российской генеалогии.

Перечень тем, которые предполагалось обсудить (каждую за один-два дня), показывает, во-первых, что они не утратили своей актуальности через 23 года; во-вторых, что и теперь можно созвать международную конференцию на неделю по каждой из этих проблем и не решить до конца ни одну — количество зарубежных соотечественников после 1991 г. увеличилось на порядок, а проблемы остались.

Однако именно с этого момента можно говорить о становлении в России нового научного направления — эмигрантоведения, и одним из важнейших

[2] Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 / Под общ. ред. Е. П. Челышева, Д. М. Шаховского. В двух книгах. М.: Наследие, 1994.

центров этих исследований впоследствии стал Петербург. Сохранению научной традиции конгрессов соотечественников служат проведенные в Петербурге в 1999–2003 гг. три крупные международные конференции «Культурное наследие русской эмиграции»[3] и продолжающиеся с 2007 г. «Нансеновские чтения»[4] (прошли уже пять раз), посвященные различным направлениям эмигрантоведения. Одним из главных организаторов их стал М. Н. Толстой.

В 1991 г. нам хотелось показать зарубежным соотечественникам, насколько широко мы ставим вопросы развития России, притом что СССР существовал и не собирался исчезать. Разве что предполагалось дать больше самостоятельности отдельным республикам в рамках так называемого Ново-Огаревского процесса, но определяющая роль России не подвергалась сомнению. 12 июня 1991 г. в России был избран свой президент.

За несколько дней до начала Конгресса журналисты Би-Би-Си меня спросили, насколько оптимистичен мой прогноз. В воздухе висело напряжение, на 20 августа назначено подписание нового Союзного договора, но по обстановке в Белом доме чувствовалось, что отнюдь не все наверху этого хотят. Я и ответил, что, по-моему, так просто подписание не пройдет, обязательно случится что-то непредвиденное. Вот и накаркал. Эти журналисты 19 августа снова пристали: откуда я знал? Спросили, что же будет. Я ответил (после посещения Белого дома и депутатских встреч с военными и танкистами), что путч развалится дня через три. Неудивительно, что через несколько дней те же журналисты начали требовать от меня прогнозов на месяцы и годы... Но в стране уже начались неуправляемые процессы.

17–18 августа стали прибывать делегаты. Их селили в основном в гостинице «Россия», у самой Красной площади, хотя многие остановились у родственников, это было ново для прежнего порядка приема иностранцев. Льготный режим въезда для участников Конгресса пришлось оговаривать в августе с руководством КГБ СССР, потому что продолжали действовать списки эмигрантов, которым запрещено возвращаться в СССР. С нашей стороны основным аргументом было то, что уже на сентябрь намечен большой международный конгресс, объявленный Президентом СССР М. Горбачевым, на тему «человеческого измерения» в международных отношениях, а попросту прав человека. Запрет на въезд в страну для ее граждан по политическим мотивам противоречил его политике. Нам пообещали, что на время Конгресса соотечественников эти списки не будут действовать. Задним числом можно понять, что быстрое разрешение было получено потому, что уже был запланирован путч и КГБ рассчитывал, что чем больше вредных личностей удастся заманить в страну, тем легче их нейтрализовать.

[3] Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. статей. Кн. 1. СПб., 2000; Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. статей. Кн. 2. СПб., 2003; Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб., 2004.

[4] Нансеновские чтения 2007. СПб., 2008; Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009; Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010; Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012.

Прибыло около 700 человек из 22 стран. Их разместили и накормили без проблем, гостинице «Россия» было не привыкать — по несколько раз в год сюда приезжали на Съезды народных депутатов и поселялись почти по тысяче человек в один день. Все, кто обслуживал Конгресс, для удобства жили в этой же гостинице.

Утром 19 августа вошедшие в город танки вызвали оторопь у большинства постояльцев. Послушав последние известия, посмотрев в окно на танки и на лица членов ГКЧП в телевизоре, около сотни соотечественников поняли, что влипли в нехорошую историю, решили не испытывать судьбу и ринулись в аэропорты, которые работали как обычно. Остальные неожиданно проявили чрезвычайное любопытство, говоря, что вот теперь они понимают, от какой революции бежали их родители и деды, и хотят увидеть это живьем. Часть пошла через площадь, в Кремль, где в Успенском соборе должен был служить Патриарх Алексий II. Другие разбрелись, фотографируя народ, высыпавший на улицы и площади. Все обступали солдат на танках и транспортерах, спрашивали, что происходит, какие приказы и будут ли они стрелять. Военные были на удивление добродушны и отвечали, что посланы охранять важные объекты типа электростанций, банков и госучреждений.

Я поехал в Белый дом к В. Лукину посоветоваться, что делать дальше, ведь на сегодня на 19 часов назначено открытие Конгресса. Лукин не стал ничего обсуждать, сказав: «В стране гражданская война начинается, а вы тут дурью маетесь». С одной стороны, ясно, что дело нешуточное, а с другой очень обидно. Тут я понял, что если путч удастся, то мне не поздоровится независимо от того, состоится Конгресс или нет, а если путч не удастся, то меня справедливо обвинят в трусости, если я отменю открытие Конгресса. Поэтому выбора не было — надо открыть Конгресс во что бы то ни стало, и если пострадать, то за правое дело.

До 19 часов оставалось довольно много времени. Мы с депутатами, разбившись на группы и выбрав направления в городе, поехали общаться с офицерами, стоявшими во главе колонн техники. Вскоре выяснилось, что практически все офицеры совершенно не хотят никакого кровопролития и не видят врагов, против которых надо вести борьбу. Приказ войти и занять город выполнялся пассивно, «от сих и до сих», никаких действий без непосредственных приказов свыше. На вопрос, будут ли стрелять в народ, если прикажут, твердо отвечали: нет. В такой обстановке было понятно, что путч угаснет, если только авантюристы не пустят в дело какие-то специальные силы, а не вошедшие в город войска. Впоследствии один матерый политик объяснял мне: «Настоящий путч — это когда сначала стреляют, потом дают пресс-конференцию, а здесь — наоборот, сначала выступили хором по телевизору, а потом стали думать: стрелять — не стрелять. Это несерьезно».

К вечеру из Белого дома мне передали напечатанный на тетрадном листке машинописный текст — указ президента Ельцина № 59 с призывом не подчиняться ГКЧП, и я решил его чтением открыть Конгресс. От гостиницы к Концертному залу отправились автобусы, причем часть пути нужно было проехать по Садовому кольцу. Автобусы с трудом пробирались через толпы молодых

людей, которые шли навстречу во всю ширину улицы, размахивали плакатами, приветствовали автобусы с символикой Конгресса, выглядело всё так, будто смотришь агитационную хронику советских времен с изображением первомайской демонстрации. Но эти люди шли защищать Белый дом.

Напротив Концертного зала висел и пыхтел огромный воздушный шар-монгольфьер с надписью «Конгресс соотечественников». В фойе зала плясали и пели народные ансамбли, раздавали сувениры. Атмосфера праздника, а не угрозы, передавалась делегатам, и открытие Конгресса шло без эксцессов.

Оргкомитет поручил мне открыть Конгресс. Заместитель мэра Москвы А. Музыкантский прочитал приветствие Конгрессу от имени правительства Москвы, где выражалась уверенность, что демократические преобразования в России нельзя повернуть вспять. Я огласил указ Ельцина, призывавший бороться против незаконного ГКЧП, рассказал о планах Оргкомитета. И. Арцишевский пригласил делегатов в Петербург (пока еще Ленинград, — хотя референдум уже прошел, но указ о переименовании выйдет только в сентябре), потом был дан большой концерт.

Два эпизода были примечательны на открытии. Выслушав письмо Ельцина, зал зааплодировал, люди начали вставать с мест. Я смотрел со сцены, что будут делать представители общества «Родина» — организации, ранее монопольно занимавшейся связями с эмиграцией. Мы понимали, отделение какой конторы они представляют, их шеф был членом ГКЧП. Они не хлопали, остались сидеть, как говорится, были близки к провалу, хотя все участники кругом аплодировали стоя. Ранее, в период подготовки Конгресса, они вежливо интересовались ходом дел, похваливали, но помощи от них добиться не удалось.

Другой эпизод — это провокация, учиненная странным молодым человеком, по приезде назвавшимся художником из Нью-Йорка, показывавшим плохие фотографии невнятных картин и требовавшим, чтобы его зарегистрировали под именем «граф Бутерброд». Псевдоним эпатажный, но что требовать от художественной натуры? В разгар официальных выступлений он стал рваться к сцене, требуя микрофон для важнейшего сообщения, сказал: «Поступило известие, что Горбачев убит!» и призвал объявить день траура. Зал зашикал, его выгнали, и паника, на которую он, видимо, рассчитывал, не произошла. Мне пришлось сказать залу, что нас рано хоронить, Конгресс продолжается, доверять будем только сведениям, поступающим из Белого дома. Зал успокоился. Больше «графа Бутерброда» никто не видел.

Кормили делегатов, по меркам того времени, очень хорошо — по «интуристовским» нормам. Российская нищета и худое питание были на этом фоне особенно заметны. Среди наших соотечественников сразу возникло массовое движение — «доставлять еду защитникам Белого дома». Собирались в пакеты горы бутербродов и пирожков, и добровольцы несли это к баррикадам. Часть делегатов потом гордилась тем, что остались на баррикадах вместе с москвичами.

Круглосуточные толпы у Белого дома, запрет на выход основных газет и телевизионных программ, слухи о непременном штурме войсками, подчиняющимися путчистам, растущие баррикады и демонстрации, как ни странно, не меняли обычного течения жизни в городе. Программы Конгресса в основном выполнялись — экскурсии в музеи состоялись, паломничества в монастыри собирали достаточно много желающих, «круглые столы» проходили активно, соотечественники на них спешили высказать свои взгляды на российские проблемы.

Запланированная поездка в Ленинград-Петербург состоялась. Был зарезервирован отдельный поезд, и желающих участвовать в ленинградской программе Конгресса оказалось больше, чем ожидали. Наверное, часть делегатов справедливо считала, что переждать путч вдали от Москвы спокойнее. Было известно, что решительная позиция А. Собчака не позволила ввести войска в город.

Ленинградская программа была рассчитана на 3 дня, началась в Таврическом дворце, где делегатов на улице встречал военно-морской духовой оркестр, и была целиком выполнена. Неожиданным, но продуктивным следствием этой части Конгресса стало создание в 1991 г. Института генеалогии во главе с И. В. Сахаровым, организованного при Российской национальной библиотеке (тогда она называлась Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Этот институт успешно работает по сей день.

Переезд в Ленинград чуть было не омрачил эпизод, грозивший всем российским путешественникам в 1990-е гг., — ночное ограбление спящих. Вагон, в котором я ехал с делегацией «бразильянцев» (так называют себя русские жители Бразилии) и австралийцев, ограбили ночью полностью. Проснувшиеся в ужасе не могли понять, как из запертых купе пропали сумочки, кошельки, документы, билеты, драгоценности, деньги, одежда. Стонал весь вагон. Воры знали, что едет целый поезд неопытных иностранцев, и успешно подготовились к легкой добыче. Проводники, естественно, ничего не видели и не слышали.

Мне стало понятно, что это провал и позор на весь мир. Но тут пришла спасительная мысль — я спросил у бразильянцев, кутивших до середины ночи, проезжали ли они остановку. Да, остановка была, значит, кража произошла после станции Бологое, и краденое находится в поезде. Я потребовал у начальника поезда, чтобы к прибытию в Ленинград была вызвана милиция — международный скандал, — а сам решил догадаться, где могли спрятать вещи. Как у бывалого пассажира (уже полтора года четыре ночи в неделю я спал в поезде), у меня всегда в поездке был с собой специальный круглый ключ с треугольным отверстием, которым имеют право пользоваться только железнодорожные служащие. Я стал им открывать все технические дверцы, за которыми скрыто водопроводное и нагревательное оборудование вагона.

Счастью моему не было предела. Все мало-мальски вместительные щели и закутки в технологических полостях были заполнены спрессованными вещами, украденными у пассажиров, — сумочки и сумки, курточки, косметички, бумажники, сверточки и прочее, в чем хранят при поездке самое дорогое, лежало

под умывальниками, за трубами, за шлангами и проводами, за потолочными люками, в общем всюду, где обычно закрыто и куда пассажиру заглядывать не положено. Воры, рассчитывавшие очистить тайники после того, как разойдутся плачущие интуристы, остались огорченными и неопознанными.

Всех охватила радость, и в Ленинград приехали счастливые делегаты. Милиции на перроне, к ее облегчению, делать было нечего.

Кражи в поездах Москва–Петербург между тем продолжались до конца 1990-х гг.

Делегаты вернулись в Москву, когда победа Ельцина была безусловной. Над Кремлем развевался трехцветный флаг. Энтузиазм участников Конгресса, заставших «революцию наоборот» по отношению к той, от которой бежали их родители, был неописуем.

Сразу после Конгресса Ельцин пошел на решительный шаг — открыл в Москве представительство тех зарубежных радиостанций (в советское время их называли «лживые голоса»), которые объективно освещали события путча и противостояние ему. Через месяц в Мюнхене работники российского консульства жаловались мне, что Ельцин лишил их смысла существования — всю жизнь боролись против «Радио Свобода», а теперь что, зря старались?

Откуда взяться объективности, если международная связь была отключена в первые часы деятельности ГКЧП? Ответ можно найти в особенностях функционирования прежней системы. В моем кабинете в Белом доме я многие месяцы до Конгресса безуспешно добивался установки своего факса — очень неудобно бегать к официальному аппарату в службе Белого дома (электронной почты тогда не существовало). Наконец установили. Это произошло в последний момент, в пятницу вечером, 16 августа. Когда все международные линии были вырублены, оказалось, что во всем здании работает только этот аппарат — его элементарно за выходные дни не успели поставить на учет в соответствующей конторе. В этом кабинете председатель Комитета по международным делам В. Лукин давал регулярные брифинги для иностранных журналистов, которые собирались у него и тут же по факсу передавали репортажи в свои редакции за рубеж. Факс работал на полную и был единственным «окном в Европу». Немудрено, что брифинги В. Лукина, профессионала высочайшего уровня (в 1992 г. он стал послом России в США), обеспечили ту объективность, которая впечатлила президента.

Этот исторический факсимильный аппарат мне не удалось сохранить для Музея политической истории России в Петербурге. Он исчез при разграблении Белого дома в октябре 1993 г., а с ним — архив и база данных первых конгрессов соотечественников.

Утром 28 августа соотечественники вновь собрались в Успенском соборе, на праздник Успения Божией Матери, где Патриарх Алексий II выступил с проповедью, в которой прозвучало: «Я обращаю свое слово к нашим дорогим соотечественникам, которые в последнюю неделю, тяжелую для всего нашего народа, были с нами, разделяли тревоги и объединяли ко Господу свои молитвы

<...> Мы всегда в годы, когда были разлучены с нашими соотечественниками, молились перед святынями за тех, которые жили в рассеянии, но жили любовью к России <...> Ныне свидетельствую перед Богом и перед вами, перед всем народом нашим: пропасть, разделявшая нас, упразднилась, средостений больше нет; гражданская война, начавшаяся в грохоте орудий и продолжавшаяся долгие десятилетия в греховном противостоянии единокровных братьев и сестер, закончилась. Открывается новая историческая страница нашего бытия <...> Благословляю всех вас на труд и всякое дело благое во славу Святой Руси...»

На вечер того же дня было назначено торжественное закрытие Конгресса. В первоначальном плане это не было предусмотрено, но Оргкомитет договорился с Б. Ельциным, что он выступит перед соотечественниками, которые поддержали его в противостоянии с ГКЧП и ждут встречи с ним. Собрание происходило в зале заседаний Верховного Совета в Белом доме, где временно, до переезда в Кремль, находился президентский кабинет. Ельцина встречали как победителя, и казалось, что приехавшие соотечественники празднуют свою победу под руководством российского президента. Он выступил с речью, но перед выходом на сцену был озабочен, достаточно ли народу будет в зале, не хотел выступать перед малой аудиторией.

*Рис. 2. Заключительное заседание Первого Конгресса соотечественников. За столом президиума (справа налево) М. Н. Толстой, Б. Н. Ельцин, Г. Э. Бурбулис. Фото участника Конгресса Б. Н. Дедовича (США). Публикуется впервые*

Речь была политически программной, хотя и была обращена только к соотечественникам, ее лексика местами кажется архаичной. «Поздравляю всех участников Конгресса с тем, что несмотря на сложности, беспрецедентный форум тех, для кого слово “Россия” священно, состоялся <...> От имени российского народа и от себя сердечно благодарю вас за мужество и твердую поддержку руководства России <...> Важнейшая цель Конгресса соотечественников заключалась в том, чтобы начать постоянный диалог с русским зарубежьем во имя преодоления глубокой внутренней разобщенности российского народа <...> Будем же терпимы и добры друг к другу и пусть наши усилия принесут благо России и всему человечеству» (нынче давно не слышно слов о доброте и терпимости). Интересно, что почти половина выступления была посвящена планам обновления России при сохранении Союза. «Идет обвал партийно-государственных союзных структур, в том числе таких зловещих, как КГБ», но «развал центра — это не развал страны <...> Начался переходный период: его суть в декоммунизации всех сфер жизни нашего общества <...> Позиция России однозначна. Мы за новый Союз...» (термин «зловещая структура» также вышел из употребления).

После выступления Ельцина окружили делегаты, с ним фотографировались, дарили привезенные книги, брали автографы, торопились рассказать о себе и сообщить ему свои политические суждения. Ельцин в то время еще не растерял навыков общения с толпой, для всех приезжих он был удивительным примером нового типа русского демократического лидера.

*Рис. 3. Б. Н. Ельцин после выступления на заключительном заседании Конгресса. Фото участника Конгресса Б. Н. Дедовича (США). Публикуется впервые*

Такой атмосферы общности России с эмиграцией никогда больше не возникало. Наступившая эйфория и надежды людей на скорое избавление России от бедности и неустроенности быстро начали угасать — жизнь не давала поводов для оптимизма. Через четыре месяца СССР распался. Количество зарубежных соотечественников моментально выросло на 20 миллионов, хотя никто из них не был эмигрантом.

Второй Конгресс состоялся в Петербурге летом 1992 г., вскоре после распада СССР, и прошел под девизом «Россия была, есть и будет». На открытии Второго Конгресса от имени мэра Петербурга А. Собчака приветствие гостям читал его заместитель В. Путин, от имени Б. Ельцина — М. Толстой.

Третий Конгресс собрался в августе 1993 г., его первая часть прошла в Петербурге, была посвящена Харбину и собрала много русских харбинцев, вторая — в Москве, в форме Первой международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции», подготовленной Академией наук и Верховным Советом РФ. Через месяц после ее окончания организатор трех Конгрессов — Верховный Совет России — был распущен.

Последующие конгрессы не смогли вернуть дух и принципы уникального события — Первого Конгресса соотечественников 1991 г.

После восьмилетнего перерыва, в 2001 г., под прежним названием — конгрессы соотечественников — снова начались съезды, они проходили с многолетними интервалами и стали нумероваться заново, будто предыдущих трех конгрессов и не было. Но это уже другая история.

Автор признателен В. Ю. Черняеву за благотворные дискуссии и М. В. Петровой за помощь в информационном поиске и оформлении работы.

**References**

Pervyj Kongress sootechestvennikov. 19–31 avgusta 1991 g. Nauchno-informatsionnye materialy / Pod red. M. N. Tolstogo, E. P. Chelysheva. M., 1992.